

На странице главного редактора издательства «Образ» в социальной сети «Фейсбук»* проходят ежемесячные конкурсы стихов на заданную тему. В этих онлайн-конкурсах, набирающих всё бóльшую известность, принимают участие десятки талантливых авторов, пользователей популярной соцсети.

В сегодняшней подборке — лучшие произведения, отобранные по итогам **V Фейсбучного конкурса стихов** (август 2016 г.). Тема: «Растут стихи, не ведая стыда...» (о поэтическом творчестве, о том, как рождаются стихи, о судьбе поэта).

/pobuzhansky

Творчество

Читателю, пожалуй, невдомёк,
как мучит мысль, не отданная слову,
как из порыва путаница строк
является... как подчинится зову

ритмической природы бытия
в момент рождения строфы — начала,
как незаметно исчезает «Я»
в ассоциациях... и отличает

излом от круга, чары от небес,
находит вечное в мгновеньях будней,
приоткрывает слова смысл и вес,
чуть трогая струну виолы... лютни...

СВЕТЛАНА ЗАХАРЧЕНКО

Поэзия по-иитерски

Гранитный парапет и Пушкина следы,
И... — Ах! Какой восторг!
Пленительное чудо!
Какая лебедь по канавке блуда
И мата — «Гений чистой красоты»!

НАТАЛЬЯ ОСИПОВА

Я отдаю на суд и распродажу
Свою суму — нехитрую поклажу.
Салфетка в ней и зеркало из строчки,
Да из строфы — нарядные сорочки.

Для мамы — георгин по счёту третий,
Все лепестки на нём из междометий.
Для друга — мой портрет из букв и точек
И запятою вышитый платочек.

Для благодетелей — из скобок и тире
В суму вместилось солнце на заре.
Любимому оставлю многоточье —
Свою суму — на растерзанье в ключья!

ЕЛЕНА ЛЕРАК-МАРКЕЛОВА

Пегаса я и плёткою хлестала,
И затыкала пасть ему подушкой.
Пить не давала и кормила мало.
А он, злодей, всё ржёт одни частушки.

А я хочу трагедии и оды!
Про кровь-любовь и эти... страсти вроде.
Но муза не шагает в ногу с модой.
Ворон гоняет, дура, в огороде.

А я хочу быть эмо и индиго.
Воспеть в веках страдания и стоны...
Но муза мне показывает фигу
И снова тащит дохлую ворону.

СЕРГЕЙ ТЕЙКОВСКИЙ

Вдохновение

Вхожу, как в сон, в огромный зал
Со множеством кривых зеркал.
Орёл распластаный... Змея...
Везде угадываюсь я...

Глухое эхо... Полумрак...
Качает зеркала мой шаг.
Я с удивлением слежу,
Как сам в себя перехожу.

Я выгибаю зеркала
В два сумасшедшие крыла,
Рывок... неосторожный взмах,
И — исчезаю в зеркалах.

СЕРГЕЙ БАТАЛОВ

Душа моя, тебя не знаю:
так много песен в рукаве!
О чём поёшь, во что играешь,
чего там грезится тебе?

Там всюду мусор — сны, привычки,
обрывки фраз, намётки слов.
Как рамку — к ним подставь кавычки,
и стих практически готов.

В него вступить — в пространство света,
он — первый раз, последний бой,
он обо всём, но не об этом,
лишь монолог с самим собой.

МАРИЯ МИНСКАЯ

Я никому неинтересна
С пригоршнями нелепых слов,
Замешанных в тугое тесто
Трудночитаемых стихов.

Одна из сотен, где там — тысяч,
Себя жалеющих дурёх,
Пытающихся тщетно высечь
На зыбких дюнах пару строк.

Слог пресен, словно обесточен,
Не в радость сердцу и уму.
Но я опять рифмую строчки,
Сама не знаю почему.

АРСЕНИЙ Ж-С

Если муза уходит, в этом есть свой прикол:
начинаешь высасывать каждый сюжет
из пальца,
раздуваешь из мухи слона,
борешься с ветряком.
Вроде того испанца.

А потом замолкаешь. Надолго.
На много лет.
Как сумасшедший ходишь, всегда печален.
Флейту достанешь...
Но связь утерял колен.
Точно, как тот датчанин.

А потом прорывает. Какой-то
большой тоской.
Потому что жизни осталось — так —
на последний танец.
И ты хочешь им всё рассказать...
Но это ж прикол такой:
говоришь на своём языке.
Потерявшийся иностранец.

Кроличьи норы

Стихи наши — кроличьи норы,
Они глубоки и темны.
По ним пробираются воры
К забытым дарам старины.

Небес вертикальные дали,
Морей поперечный простор,
Войдёшь без Поэта едва ли
В пространство таинственных нор.

А норы становятся уже —
Их губит всесильный прогресс.
И кролик в капусте на ужин
Заказан как деликатес.

ИГОРЬ ВЕРЕЩИНСКИЙ

В пересечённой местности
Обретая покой неизвестности,
В гремящей тиши одиночества,
В счастье словесного зодчества,
Слушая птиц и растения,
Наблюдая камней свечение,
Жизнь продолжая верою,
Всё Божией меряя мерою,
Иду...

АННА БАНЦИКОВА

Я живу как на театре —
Исчезает реквизит.
Сняли занавес в антракте,
Из окна теперь сквозит.
На обоях только пятна
Освещает то окно,
И по пятнам тем понятно,
Что висело там давно.
Встала я, выносят стулья,
Шкафчик тоже — был таков.
Буду жить теперь, ночуя
На тетрадочке стихов!

ВЛАДИМИР МАХИН

Как не тратить напрасно
Жизни странную смесь?
Будто яд, в ней опасность
Равнодушия спесь.
Как заразной проказы
Избегаю её.
Не цветистые фразы,
Откровенность — моё.
Пусть и сердце на части,
А строка как слеза.
Есть особое счастье —
Людям правду сказать...

ВИКТОР БАТРАЧЕНКО

Дверь открыв своим ключом,
Входит, заноса поклажу...
Поцелует, рядом ляжет
И задышит горячо...

Входит Муза потемнó,
Покидает до рассвета...
Ни баллады, ни сонета
Я не написал — тяну...

Муза — пчёлкою по дому:
Пол помоеет, пыль смахнёт...
Вдохновив, стихата ждёт.
Напишу — уйдёт к другому...

ТАТЬЯНА НЕНАШЕВА

Поэт и чужбина

Чужбина. Город Санта-Клара,
Поэт, гитара и весна.
Дымит гаванская сигара,
Часы на стенке, пять утра.

Остывший чай, кусочек сыра,
На потолке висит рассвет.

Лежит у ног смиренно псина,
Скрипит потёртый табурет.

По тихим улицам квартала,
Гуляет ветер меж домов.
Осталась малая отрада:
Гитара, пёс и том стихов.

ЮРИЙ ДУДУЕВ

Судьба поэта

Бесконечно будем жить...
Вряд ли! Кажется всё это,
Всё за нас решили где-то...

Нас запомнят города...
Нет! И это — только мифы,
Все забудут наши рифмы:

Без границ и без гражданств,
Мысли станут частью мира,
Строки — голосом эфира...

Мы воскреснем вечно жить,
Смерть забыв в реке забвенья,
Явим в мир благое пенье...

ИРИНА ЩЕРБИНА

Пусть совсем ещё недавно
Жизнь мне сумрачной казалась,
И не думалось о главном,
И ни слова не писалось.

А сегодня — всё иначе,
Стороной промчалось лихо,
Хоть стреляйте — не заплачу,
Ведь апрель пропел мне тихо:

«Холодов уже не будет!»
И стихов таятся строчки,
Словно птичьи трели, в клюве
Самой первой клейкой почки.

ИНЕССА ДОЛЕННИК

Был поэт — и нет поэта.
Оседлав Пегаса, смерть
Мчит к закату от рассвета.
Слабонервным не смотреть.

Смотрит он в страстей горнило
С белотканых облаков.
Дождь теперь — его чернила,
Арка радуги — альков.

Нёс он, нёс свою поклажу,
Не атлант и не атлет,
А ушёл — и понял каждый:
Был поэт — и есть поэт...

ВИКТОР ГОЛЬЦОВ

Недостижимой музе

Ты глубока, как бесконечность,
и хоть прозрачна, как родник,
свет добираться будет вечность
до уровня глубин твоих!

Ты так звучишь, как флейта Пана
в лугах, сверкающих росой,
где к юной Хлое в чувствах странных
стремится юноша босой.

Ты так близка: задеть ресницей
тебя боюсь я иногда.
Но... не касались наши лица
и не сольются никогда.

